

МАСТЕРА
ВРЕМЕНИ

КИЛАН ПАТРИК БЕРК

КЛАН

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)
Б48

Серия «Мастера ужасов»
Kealan Patrick Burke
KIN

Печатается с разрешения литературных агентств
Writers House LLC и Synopsis Literary Agency.

Перевод с английского: *Сергей Карпов*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *Бориса Аджиева*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Берк, Килан Патрик
Б48 Клан / Килан Патрик Берк.— Москва: Издательство
АСТ, 2018.— 445, [1] с.— (Мастера ужасов).

ISBN 978-5-17-107318-3

Когда Джек и Пит Лоуэллы находят на проселочной дороге неподалеку от городка Элквуд израненную, окровавленную незнакомку, они быстро понимают, что, возможно, совершили роковую ошибку. Девушку зовут Клэр, и она смогла сбежать от семьи Мерриллов, изодранных убийц-каннибалов, вырвалась из плена, в котором погибли все ее друзья. Ни Клэр, ни ее спасители еще не знают, что их кошмар только начался. Неожиданный побег навсегда изменит жизнь Элквуда и запустит необратимую цепную реакцию отмщения и ненависти, а Мерриллы, боясь разоблачения, пойдут на крайние меры, ведь перед страхом смерти беззащитны даже настоящие чудовища.

© Kealan Patrick Burke, 2011
© Сергей Карпов, перевод, 2018
© Борис Аджиев, иллюстрация, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ОТ АВТОРА

Писательство — дело одинокое, и все же часто приходится полагаться на доброту других. Поэтому передаю сердечное спасибо Дженнифер и Тайлеру Беркам, Илейн Ламкин, Кэти Джуэл, Тоду Кларку, моим друзьям, семье и, конечно, тебе, читатель.

Посвящается Дуги и работникам
Центра 911 округа Делавэр

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

*Элквуд, Алабама
15 июля 2004 года*

Все мертво.

Нагая, окровавленная, в состоянии шока, под обжигающим покрытую потом кожу солнцем, высоко стоящи «этм в безоблачном небе, Клэр Ламберт, тем не менее, заметила, что голое и белое, как кость, дерево в поле справа — то же самое, про которое она что-то сказала несколько дней, месяцев или лет назад. Хотя, что она тогда сказала — уже загадка. Она остановилась, если вообще шла, — все это время ей казалось, что она стоит неподвижно, сгорбившись, пока под израненными и грязными ногами ползла, словно гранитный конвейер, дорога, — и прищурилась на искривленный ствол, который напоминал изнуренную мать в истрепанном ветром головном платке: скрученные ветки закрывали живот, будто защищая, колени подогнуты, широко расставленные ноги торчат из-под края застиранной юбки.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

5

Дерево заворожило Клэр, и хотя ее не держали ноги, которые многие мили казались абсолютно независимыми существами, с трудом несущими ее вес, она не могла отвернуться. Ее пах холодным языком лизало пламя; кровь в волосах засохла, а тот вязкий, затвердевший комок в дыре, где когда-то находился правый глаз, тикал, словно глаз заменили на часы, отсчитывающие оставшееся время. Но все же она смотрела, не в силах отвести взгляд, пока безжалостное солнце окрашивало кожу на голове в розовый цвет, поджаривало спину. Пот, чуть прохладнее в слабой тени под грудями, капал как слезы. Наконец она вздрогнула, ноги зашаркали к колючей проволоке, отделявшей поле от дороги. Хлопок зашептал на ветру, когда ее живот встретил проволоку, колючки впились глубоко в кожу; она ничего не почувствовала, только невольно дернулась. Испуганная птица вспорхнула из хлопка с криком, и тот притянул взгляд Клэр к взметнувшемуся пятнышку, воспарившему к небесам, а затем скрывшемуся в ослепительной пелене солнца. Клэр опустила голову, облизнула сухие растрескавшиеся губы языком-наждаком и снова шагнула вперед, не понимая, что ей мешает. За что ее лишают встречи с деревом и ощущения материнского уюта, которое оно могло подарить. И снова она шагнула вперед, и снова ей не дали пройти. В этот раз колючки пронзили кожу. Встревоженная, она сделала полшага назад, и черная проволока зазвенела,

Килан Патрик Берк. КЛАН

как гитарная струна, на которой играл ветер. На железном наконечнике налилась капля крови и повисла, застыв во времени, не обращая внимания на солнце, прежде чем сорваться и окрасить травинку. Нахмурившись, Клэр медленно перевела взгляд с проволоки на дерево, будто во всем виновата эта увядшая женщина, и попыталась заговорить, умолять. Из иссушенного горла донесся лишь тонкий писк: *Помогите*, — затем она будто проглотила пригоршню горячих камешков.

Звук.

Она обернулась, не желая отрывать глаз от дерева, но привлеченная единственным до сих пор звуком, который нельзя было назвать природным и который не был похож на мягкий голос в голове, нескончаемо и настойчиво твердивший, что все мертво. К нижней губе прилипла прядь волос и так и осталась в трещинке, где лопнула кожа.

На нее несся пылающий белый свет. Но она понимала это смутно, ведь между ней и светом стоял мужчина без лица и рук. Нет, не совсем так. Руки у Дэниэла были на месте, но они лишились кожи, казались очень темными и сырыми. Ее это не беспокоило, ведь он все равно редко ее обнимал — недостаток в их отношениях, который она когда-то надеялась исправить.

Почему ты не берешь меня за руку?

Потому что мы уже не дети, милая.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

7

Но при виде освежеванного черепа из ее единственного глаза показалась слеза, презрев солнце, словно кровь на колючей проволоке.

— Поймаем попутку,— говорил он ей, хотя его губы не двигались. Рваная рана лица под непослушными каштановыми волосами кивнула на сияющий свет позади, который становился все ближе. Над переливающимся металлом плыло отраженное солнце, колеса взбивали густые тучи горчичного цвета.

Она открыла рот, чтобы ответить, сказать своему парню, что им лучше подождать остальных, но, даже если бы обрела голос, чтобы передать слова, ее вдруг рассекла внезапная молния боли, от чего Клэр сломало пополам и вырвало в грязь под ногами.

Все мертво.

Голова распухла, на ее глазах изо рта хлестала темно-красная река, превращая грязь в ржавчину и забрызгивая лодыжки. Вены на шее вздыбились толстыми веревками, раненый глаз загорелся и заныл — казалось, через глазницу пытается выползти мозг, чтобы отстраниться от непонятной реальности еще дальше, чем ей удавалось до сих пор.

Ослабев, она упала на колени, почувствовала, как земля обдирает кожу. Но боли не было. Кожа стала толстой тяжелой шубой, а порванная одежда сейчас не волновала. Ладони скользнули в песок.

Килан Патрик Берк. КЛАН

Прозвучавший визг могли издать старые петли врат земли, распахнувшиеся, чтобы наконец принять ее; а может, она сама, когда пыталась вздохнуть после потока горькой переваренной паники и скорби; а может, тормоза автомобиля, который она видела, потому что в ее обожженные солнцем уши вплыл новый странный голос. Солнце затмил силуэт, а на обнаженную спину одеялом пала прохладная тень.

— Иисус, Мария, Иосиф и святые небеса,— произнесла она.— Мисс, что с вами?

Это они, только и смогла подумать Клэр. Они пришли забрать меня. Снова мучить. Это подсказывала та же уверенность, что все это время ее подгоняла, безошибочное ощущение, что за ней наблюдают, преследуют, охотятся; ощущение, что она должна быть мертва, хотя почему-то еще дышит.

Она замотала головой, чтобы бросить им вызов. Открыла рот, но вместо слов потекла кровь, и горло разбухло от реки тошноты. Она еще пыталась сопротивляться, но, когда подняла руки, чтобы защититься, они поднялись только в ее мыслях. Тело перестало слушаться. Пара пыльных башмаков ушла из ее поля зрения.

Хорошо. Уходи. Отстань. Вы уже достаточно натворили. Все мертво. Вы убили их всех.

— Хосподи, Пит, живо подай собачью подстилку и фляжку. Шевелись!

Наконец головокружительный поток прекратился, и она нашла силы поднять голову. Перед

ней был не человек, а спутанная тень под заломленной шляпой, пугало с золотым нимбом, делавшее вид, что оно — ее спасение. Ужас бился в груди, разжигая новые огни боли, которая будто излучалась из самой ее сути.

Из-за плеча человека выросла новая тень, такая же тощая, но без шляпы, с комком волос.

Они пришли убить меня.

— Боже ж ты мой, чтой-то у нее с глазом?

— А ну закрой рот, малой.

— Откудава она такая? Совсем без одежды,— голос переполняло нервное возбуждение.

Тень без шляпы сдвинули в сторону. Тощая захлопала руками, пока ее грудь не стала крыльями, опустившимися к Клэр, охватившими ее.

— Помоги поднять.

Она открыла рот, чтобы застонать из-за внезапного, ужасного жара, который ее объял, и почувствовала тепло, сочащееся между ног. Песок тут же потемнел.

— Бать, а она опис...

— *Живо.*

Не успели руки-крылья сомкнуться на ней плотнее, как Клэр несколько раз быстро, сухо, болезненно сглотнула, затем сделала вдох — он прозвучал, как гвоздь, царапающий по грифельной доске,— и криком позвала Дэниэла. Но, несмотря на лившийся из нее измученный жуткий звук и несмотря на то, что ее окружили тени, чтобы уволочь назад в ад, она впервые в жизни поняла, что осталась по-настоящему одна и помощи не будет — ни сейчас, никогда.

2

От запаха горящего мяса, хоть он и был лишь плодом воображения, рот Люка наполнился слюной. Ему хотелось есть — его ужин прервал меньше часа назад плач Мэттью из дровяника. Вспомнился день из детства, когда Люк наблюдал, как младший брат пытается самостоятельно освежевать оленя, которого они убили стрелой. Люк знал, что возбуждение и желание показать себя приведут Мэтта к ошибке, и оказался прав. С широкой улыбкой на лице и потом на лбу Мэтт, чтобы похвастаться перед Люком, задрал шкуру, которую уже смог отделить от оленя, второй рукой все еще орудуя ножом Боуи. *Я ж грилл, что умею.* Не успел Мэтт дожидаться одобрения Люка, как шкура выскользнула из хватки, а вторая рука по инерции хлестнула к нему. Лезвие прорезало на голом боку тонкую рану в сантиметр глубиной, под самыми ребрами. Люк сомневался, что это так уж больно, но брат упал на колени, хватаясь за волосы, выпуская стыд и разочарование в том же раздражающем напевном плаче — том самом, которым он звал на помощь, когда эта белобрысая вонзила ему в грудь деревянный кол.

Полный гнева, Люк забылся и встал с травянистого пригорка, на котором притаился. Впе-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

11

реди старый чернокожий и его сын переносили обидчицу брата в кузов пикапа без бортов. В силах лишь наблюдать, он выслеживал женщину на дороге, где редко появлялись люди, выжидая, когда появится шанс сократить расстояние и утащить ее назад для расплаты за то, что она сделала. В гневе он забыл о традиционных правилах загона дичи и оставался на дороге, на виду у женщины. Но она его не замечала и ковыляла медленнее хромого енота. Даже оглянься она через плечо и заметь в жарком мареве его жилистый поджарый силуэт, у нее не было шансов уйти. Она истекала кровью, и он рассчитал, что надолго сил ей не хватит.

Задача была совсем несложная. Но, черт возьми, она продолжала брести — уверенно, несмотря на то что, очевидно, не знала куда. Будто вместо того, чтобы слепо блуждать в чаще, ее притягивало к дороге, как железо к магниту. И все же он не торопился — в том не было нужды. Он был уверен в себе, несмотря на боль, которая давала о себе знать всякий раз, когда он вспоминал, что Мэтт ранен, и ранен тяжело.

Но вдруг Люк услышал пикап и отметил, что звук двигателя незнакомый, безопасный, и быстро перескочил через ограду, спрятавшись в траве, наблюдая со странным, неведомым ужасом, как к женщине приближается красный автомобиль.

Клэр, вспомнил он. Один из них называл ее *Клэр*.

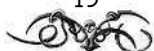
Никто и никогда не сбегал. Надолго — нет. Дать кому-то уйти — немыслимая, невообразимая ошибка, которой они избегали, сколько себя помнил Люк. Седой Папа научил их, как и на что охотиться, и зачем. Они неукоснительно следовали его урокам.

Но сегодня...

Сегодня из-за маловероятного стечения обстоятельств Мэтт остался наедине с женщиной. Ее привязали к шесту, руки и ноги схватили веревкой за спиной, в рот забили кляп. Его братья уже изнасиловали ее и ослепили на один глаз, обкорнали почти все пальцы на правой стопе и порезали руки и ноги. В ней неоткуда было взяться новым силам, не говоря уже о воле к жизни, и все же она сумела освободиться и насадить Мэтта на кол. Только через добрые полчаса Люк, старший из пяти братьев, услышал жалобное мяуканье Мэтта; к тому времени тот уже залил кровью весь пол.

Люк знал, что еще не поздно. Он мог сократить расстояние между ним и пикапом прежде, чем они уложат женщину и заведут двигатель, прежде, чем навсегда заберут из их жизни Клэр. Если эти двое у грузовика начнут драку, он с ними разберется. С собой у него был нож Боуи, который он взял из рук Мэтта, поклявшись закончить то, с чем не справился брат. Люк был быстрым. Он бы успел — и всем бедам конец. Нужно лишь броситься вперед.

Но вот он услышал кашель двигателя, увидел грязно-черные клубы дыма из выхлопной трубы

пикапа и понял, что *поздно*. Он медленно двинулся к ограде и дороге за ней. Ему хотелось кричать во всю глотку, рвать волосы, царапать кожу, но он лишь перескочил через ограду и помчался в противоположном направлении, прочь от пикапа, — туда, откуда пришел.

Когда он уходил из дома, Мэтт еще был в сознании. Дышал. Живой. Раз Джошуа, Айзек и Аарон не прыгнули в пикап и не отправились в погоню за женщиной, значит, все изменилось.

Но главное, осознал Люк, что *он сам* не подумал взять пикап. Водитель из него был хреновый из-за того, что пальцы на руках торчали во все стороны, но разве это оправдание. Не сейчас. Он всегда был умелым охотником и знал, что братья не последовали за ним, прежде всего, потому, что верили: Люк все уладит. Но они впервые ошиблись — он потерял добычу. И он знал, что будет, когда вернется. Придется отвечать перед Лежачей Мамой, и ее не обрадует услышанное. В последний раз, злясь на него, она велела Седому Папе переломать ему пальцы на левой руке и сдвинуть все, кроме большого и среднего.

Павший духом и терзаемый страхом, Люк остановился и прошептал короткую молитву Господу, чтобы она его пощадила. Но, когда солнце поднялось выше и стало огненным глазом посреди василькового неба, он понял две вещи.

Господь не слышит. Не слушает Люка. Прямо как Папа.

И что сегодня, скорее всего, Лежачая Мама его убьет.

* * *

— Хватит пялиться.

— Прости, бать.

— На дорогу смотри.

Пит кивнул и отвернулся. Они накрыли девушку брезентом — больше ничего не нашлось, — но только что через пыльное окошко в задней стенке кабины Пит заметил, что один край брезента задрался, бешено хлопая в пыли, которую поднимал «шеви», и обнажил правый бок девушки до самого бедра. На виду оказалась одна маленькая грудь, и, хотя ее покрывали порезы и царапины, дыхание подростка участилось, а сердце билось все быстрее с каждой секундой. Он даже не знал, была ли она красивой до того, что с ней случилось. Из-за ран и опухлостей, превративших лицо в мятый кабачок, сказать было трудно. Он надеялся, что да и что стоит ей прийти в себя — если она не умрет среди инструментов и пустых клеток для кур, — она проявит к нему тот интерес, который он еще не сумел вызвать у слабого пола; может, в благодарность за спасение.

Конечно, с дороги раненую подобрал отец, но Пит не будет исправлять ее ошибку, если в первые дни выздоровления она адресует благодарности ему. Да и не справился бы старик один.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

15

